Изъ записокъ Маріи Аггеевны Милютиной.[1])

I.

Общее положеніе дѣлъ съ 1855 по 1857 годъ.—Дѣятельность Николая Алексѣевича Милютина.

Зима 1855—1856 г. была тяжкая для Россіи. Кровь не переставала литься съ Крыму, не переставали волновать всякую русскую грудь страданія и доблести геройскаго нашего войска. Общее утомленіе было столь велико, и положеніе казалось до того безвыходно, что заключеніе мира ожидалось почти съ нетерпѣніемъ, хотя и предвидѣлось, какого онъ будетъ свойства. Никто уже не надѣялся на торжество нашего оружія, но, странное дѣло, столько еще чувствовалось жизненныхъ, непочатыхъ силъ, что народная гордость не падала духомъ и оставленіе Севастополя представлялось больше несчастіемъ, чѣмъ униженіемъ. Столько было ожиданій лучшаго для будущаго, что пятну, нанесенному предыдущими событіями, предвѣщалось быть смытымъ скоро и несомнѣнно. Народныя предчувствія рѣдко бываютъ совершенно обманчивы: не успѣла замолкнуть канонада, не успѣлъ остыть пепелъ Севастополя, какъ уже былъ брошенъ первый зародышъ великаго преобразованія: государь объяснился съ министромъ внутреннихъ дѣлъ о

[1]) Печатая въ высшей степени интересныя записки М. А. Милютиной, рожденной Абаза (см. о ней „Русскую Старину“ 1898 г. № 12 стр. 547), редакція считаетъ долгомъ напомнить читателямъ, что онѣ имѣютъ тѣсную связь со статьею „На зарѣ крестьянской свободы“ напечатанною въ „Русской Старинѣ“. 1897 г. № 10—12 и 1898 г. № 1—4.

своемъ намѣреніи освободить крестьянъ въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ, подтвердивъ свое желаніе дворянскимъ депутатамъ, а вслѣдъ за этимъ приказалъ министру разослать секретное о томъ предписаніе всѣмъ губернаторамъ имперіи. Благовѣстъ раздался тихо, невнятно, мѣстами непонятый, мѣстами понятный, но, во всякомъ случаѣ—«благою вѣстью» лишь въ той сферѣ (между крестьянами), куда онъ проникъ преждевременно.

Заключеніе мира вслѣдъ за томительною почти двухлѣтнею войной, раскрывшею новыя раны администраціи, восшествіе на престолъ молодого императора, кроткаго и гуманнаго, наконецъ, предвѣщаніе громадной реформы, потрясающей всѣ старые порядки и отношенія сословій между собою,—сколько одновременныхъ первостепенныхъ событій, которыя должны были глубоко отразиться во всемъ, перепутать понятія, развить повсюду какое-то тревожное лихорадочное состояніе, испугать людей слабыхъ и свыкнувшихся съ старыми порядками, окрылить талантливыхъ и исполненныхъ вѣры въ лучшую будущность, подстрекнуть къ происканъ и интригамъ людей мелкихъ, преслѣдующихъ личные, а не отечественные интересы! Сотрясеніе было всеобщее; всѣ какъбы проснулись отъ долговременной летаргіи; люди, не только отвыкшіе говорить, но даже думать, встрепенулись и все зашевелилось.—Выступила наружу сыпь, вогнанная внутрь, насталъ бредъ, часто уродливый, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и благодѣтельный, ибо медленно пріучалъ къ вольной и разумной рѣчи. Это всеобщее броженіе, эта огромная внутренняя работа, выбрасывая накопившуюся въ организмѣ гниль и соръ, подобно бурливой тинѣ источника, по временамъ скрывающей отъ взоровъ его покойныя, чистыя и глубокія воды, не могла не наводить сомнѣнія, тревогъ, опасеній, не причинять судорожныхъ подергиваній, не волновать государство самыми сильными и противоположными страстями.

Было ли къ этому готово привительство, знало ли оно куда идетъ, сознавало-ли предстоящія трудности? На это отвѣтить не берусь. Несомнѣнно то, что во главѣ его, по крайней мѣрѣ на первыхъ ступеняхъ власти, не было ни одной геніальной, ни одной энергической личности, а было много людей, противодѣйствующихъ благимъ намѣреніямъ государя. Немедленно послѣ коронаціи (осенью 1856 года) былъ удаленъ единственный человѣкъ, который могъ бы тутъ быть полезенъ своимъ яснымъ умомъ, смѣлымъ характеромъ, зрѣлыми государственными понятіями и либеральнымъ направленіемъ; это былъ графъ Киселевъ, противъ воли своей и вслѣдствіе самыхъ убѣдительныхъ требованій государя, принявшій назначеніе русскаго посла во Францію. Правда, что и тамъ, послѣ крымской войны, нуженъ былъ человѣкъ съ головой, способный возстановить наше внѣшнее политическое вліяніе, но отъѣздъ его былъ большою потерею для политики внутренней и тот-

часъ же отразился на управляемомъ имъ до того времени министерствѣ государственныхъ имуществъ, въ которомъ онъ такъ упрочилъ гражданскій бытъ и сравнительную вольность крестьянъ и куда, по его отъѣздѣ, былъ назначенъ сперва В. А. Шереметевъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ М. Н. Муравьевъ.

Первые два года послѣ заявленія царской мысли объ эмансипаціи прошли въ подергиваніяхъ, сомнѣніяхъ и нерѣшительности, въ безплодныхъ преніяхъ учрежденнаго по этому вопросу комитета, который разсматривалъ старыя попытки прежнихъ царствованій къ улучшенію быта крестьянъ и пришелъ по истеченіи этого времени лишь къ тому заключенію (и то весьма неохотно), что «вопросъ своевременъ, и что приступить къ нему должно», но к а к ъ и съ ч е г о начать не вѣдалъ.

Результатъ этой потери времени былъ лишь тотъ, что императоръ Александръ убѣдился въ невозможности обращаться въ дѣлѣ новомъ къ людямъ старымъ, т. е. къ дѣятелямъ прошлаго царствованія; онъ понялъ необходимость привлечь людей новыхъ.

Правительство прислушивалось, присматривалось, давало возможность всѣмъ выказать свои убѣжденія и свои способности, иногда ошибалось въ своихъ сужденіяхъ, подстрекаемое еще старыми людьми, окружающими престолъ, но, во всякомъ случаѣ, шло путемъ новымъ и къ возможному обновленію. Литература отъ поры до времени помогала предпріятіямъ правительства по разработкѣ и разъясненію нѣкоторыхъ сторонъ крестьянскаго вопроса, хотя весьма фантастически [1]). Стали ходить и частные проекты и записки въ рукописяхъ, нѣкоторые съ явною цѣлью пугать и тормозить, другіе въ стремленіяхъ къ благопріятной, либеральной и скорѣйшей развязкѣ [2]). Но тогда какъ послѣдняго рода произведенія навлекли на себя ненависть, недобросовѣстныя перетолковыванія и даже преслѣдованія [3]), первыя, подъ особымъ руководствомъ князей Орлова, Меншикова, Долгорукова, М. Н. Муравьева и другихъ сановниковъ, пользовались большимъ покровительствомъ публики и доходили до государя. Къ счастью большую часть этихъ записокъ онъ отсылалъ на обсужденіе въ состоящій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комитетъ. Но, пока въ главномъ комитетѣ продолжалась апатія, нерѣшительность, даже скрытая надежда, что серьезнаго изъ этого ничего не выйдетъ, одинъ изъ чиновъ его, ге-

---

[1]) Позже эта опора, однако, рушилась; многіе литераторы и журналисты нашли, что имъ н е в ы г о д н о ссориться съ помѣщиками, которые составляли большинство подписчиковъ.

[2]) Къ числу послѣднихъ принадлежатъ записки: Ю. Самарина и К. Д. Кавелина.

[3]) Подобно статьѣ К. Д. Кавелина, 1857 года.

неральъ-адъютантъ Ростовцевъ, долженъ былъ своимъ усердіемъ и преданностью сдѣлать исключеніе. Онъ принялся изучать дѣло, присылалъ государю плодъ своихъ изученій въ формѣ писемъ объ эмансипаціи, и вслѣдъ затѣмъ выступилъ серьезнымъ поборникомъ крестьянскаго вопроса. Довѣріе къ нему государя принесло дѣлу великую пользу.

Странно кажется и съ трудомъ вѣрится, что Николай Алексѣевичъ (Милютинъ), которому въ скоромъ времени суждено было сдѣлаться главнымъ двигателемъ этого дѣла, первые три года со времени его возникновенія, оставался въ сторонѣ и лучше сказать—даже систематически отъ него устранялся. Слѣдя за нимъ съ трепетомъ и надеждой, то омрачаясь дурными признаками, то радуясь всякому проявленію постоянства на этомъ пути правительства, бесѣдуя откровенно съ Ланскимъ [1]), который умѣлъ цѣнить его совѣты, но не рѣшался облечь его участіе въ официальную форму; стараясь сколько можно въ дружескихъ бесѣдахъ разъяснять недоумѣнія Левшина и Соловьева и устранять ихъ колебанія, работая, наконецъ, частнымъ образомъ по проекту для имѣнія великой княгини Елены Павловны, гдѣ старался проводить общія начала для реформы—Николай Алексѣевичъ, быть можетъ, еще долго оставался бы въ этомъ вынужденномъ отчужденіи, еслибъ не произошли событія, которыя, какъ будто противъ общей воли, выдвинули его впередъ, такъ сказать *натолкнули* его къ ближайшему, непосредственному участію въ этомъ дѣлѣ [2]). Какими преградами ни закапывай ключевой потокъ, его природная неотразимая сила рано или поздно возьметъ свое и проложитъ себѣ дорогу.

Какъ это случилось—разскажу далѣе, когда наступитъ этотъ періодъ въ хронологическомъ порядкѣ событій, а теперь обращусь къ тому положенію, въ которомъ я его застала въ 1855 году. При послѣднихъ дняхъ дѣятельности министра внутреннихъ дѣлъ Бибикова, Н. А. Милютинъ занималъ должность директора хозяйственнаго департамента, гдѣ сосредоточивалось хозяйство всей Россіи. Распоряженіями и заботами по своей части, Н. А. Милютинъ былъ гораздо извѣстнѣе въ провинціи самыхъ отдаленныхъ губерній, нежели въ Петербургѣ; однако всѣ министры, Строгановъ, Перовскій, Бибиковъ хорошо его знали, и равно цѣнили обширный умъ, непоколебимую честность характера и государственныя способности. Почти по всѣмъ труднѣйшимъ дѣламъ обращались къ Милютину: Перовскій, между прочимъ, не произнесъ ни одной рѣчи, не представилъ ни одного возраженія и объясненія по Государственному Совѣту, которыя

---

[1]) Тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ. Ред.

[2]) Справедливо будетъ сказать, что дѣйствовали не столько пріязнь и протекція, сколько *вражья сила*.

не были бы писаны рукою Николая Алексѣевича, о чемъ до сихъ поръ свидѣтельствуютъ его картоны. До какой степени благоволилъ къ нему Д. Г. Бибиковъ, можетъ обнаружить слѣдующій разсказъ: въ концѣ 1855 года графъ Киселевъ разъ пріѣхалъ съ визитомъ къ Дмитрію Гавриловичу и, заставъ его въ кабинетѣ во время доклада Николая Алексѣевича, спросилъ у него: какъ онъ доволенъ племянникомъ? Бибиковъ ему отвѣчалъ:

— Вы лучше спросите его, доволенъ-ли онъ мною; я же могу только сказать, что еслибъ государь мнѣ велѣлъ уйти изъ министерства и самому назначить преемника, я безъ всякаго колебанія указалъ бы ему на Милютина.

Несмотря на такой лестный отзывъ, нельзя сказать, чтобы Николай Алексѣевичъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ къ Бибикову. Въ четырехлѣтнее управленіе его министерствомъ Николай Алексѣевичъ держалъ себя въ сторонѣ и ограничивался лишь офиціальными сношеніями, избѣгая видѣть министра иначе какъ на докладахъ. Судя по немногимъ о немъ отзывамъ, у меня составилось понятіе, что онъ мало цѣнилъ и уважалъ нравственныя достоинства Дмитрія Гавриловича; но, по привычкѣ, которая всегда въ подобныхъ случаяхъ сказывалась, въ первое время паденія своего стараго начальника, онъ сблизился съ нимъ болѣе, нежели во времена его могущества, и сталъ посѣщать чаще прежняго, уже въ качествѣ простого знакомаго, а не подчиненнаго. Впрочемъ, это сближеніе продолжалось не долго: Дмитрій Гавриловичъ все болѣе и болѣе кидался въ оппозицію, и сдѣлался, наконецъ, такимъ реакціонеромъ, что Николаю Алексѣевичу непріятно было встрѣчаться съ нимъ.

Удаленіе Бибикова и назначеніе С. С. Ланскаго на должность министра внутреннихъ дѣлъ, происшедшее лѣтомъ 1855 года, далеко не предвѣщало тѣхъ результатовъ, которые впослѣдствіи имѣло. Однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было удаленіе прежняго товарища, Лекса, и директора духовныхъ дѣлъ Скрипицина. Первый былъ замѣненъ Левшинымъ, а второй Д. П. Хрущевымъ. Съ мужемъ же Сергѣй Степановичъ (Ланской), съ самаго перваго пріема, обошелся вѣжливо, и даже дружески; онъ сказалъ ему, что дѣятельность его давно ему извѣстна съ отличной стороны, что имѣть такого сотрудника для него лестно, и тому подобное. Поработавъ съ нимъ нѣсколько разъ, Николай Алексѣевичъ пришелъ къ заключенію, что новый его начальникъ отличный человѣкъ, добрый, честный, благородный, въ полномъ смыслѣ gentleman; но онъ далеко не воображалъ, какъ много сдѣлаетъ для Россіи этотъ простой, прямодушный, истинно преданный пользѣ отечества человѣкъ. Другъ и товарищъ декабристовъ, Сергѣй Степановичъ, до 70-ти-лѣтняго возраста, не переставалъ свято чтить память

ихъ, и нѣкоторыя струны, пробужденныя ими, ожидали лишь вдохновенія и талантливой руки мастера, чтобъ издавать прекрасные звуки. Но объ этомъ говорить еще рано.

Въ продолженіе всего лѣта Николай Алексѣевичъ ежедневно ѣздилъ съ дачи въ городъ и просиживалъ отъ часа до шести въ министерствѣ. Кромѣ того, раза два-три въ недѣлю у него были вечернія засѣданія разныхъ комитетовъ (тарифныхъ, финансовыхъ, полицейскихъ и проч.). Но самая усиленная, серьезная работа происходила дома, далеко за полночь. Я сперва было очень хлопотала о перемѣнѣ этого образа жизни, столь вреднаго для здоровья, уговаривая его работать утромъ, а не засиживаться поздно; къ сожалѣнію, не успѣла я въ этомъ (легко ли измѣнить привычки, вкоренившіяся до 37-ми-лѣтняго возраста!). Тутъ онъ мнѣ не только не сдѣлалъ уступки, а, съ прибавленіемъ занятій, сталъ ложиться въ 3 и 4 часа утра и вставалъ въ 10. Отказавшись совершенно отъ клубовъ и отъ прочихъ немногочисленныхъ выѣздовъ, онъ въ теченіе трехъ или четырехъ лѣтъ не покидалъ дома, иначе какъ по службѣ; единственныя исключенія дѣлались по требованіямъ великой княгини Елены Павловны и для графа Павла Дмитріевича Киселева, куда и мнѣ, иногда, приходилось ѣздить.

Между тѣмъ я продолжала вслушиваться во все то, что касалось мужа, болѣе и болѣе вникать въ его цѣли, убѣжденія и занятія. Помню, много удивляли меня борьба, непріятности, препятствія, которыя встрѣчалъ онъ въ самомъ простомъ исполненіи своего долга. Съ министромъ у него было полное согласіе, но по всѣмъ комитетамъ, которые входили въ кругъ его занятій по министерству, ему почти постоянно приходилось бороться. То выходили непріятныя столкновенія съ Васильчиковымъ, 75-ти-лѣтнимъ старцемъ, предсѣдателемъ Попечительнаго совѣта общественнаго призрѣнія, и съ остальными членами, которыхъ подчиненные, смотрители больницъ и пріютовъ, обкрадывали и надували на каждомъ шагу, и которые гнѣвались на Николая Алексѣевича за то, что онъ ограждаетъ казенныя деньги отъ этого закоренѣлаго воровства. То приходилось входить въ жесточайшія препирательства съ генералъ-губернаторомъ Игнатьевымъ, непримиримымъ врагомъ Думы, ея самостоятельности и новаго городского управленія. То еще гнѣвалась помѣщичья партія за то, что онъ не поощрялъ жестокое обращеніе съ крестьянами. Словомъ, постоянная война, неудовольствіе, нападки со всѣхъ сторонъ. Но это не доказывало, чтобъ онъ былъ, какъ усердно про него говорили, un brouillon, человѣкъ тяжелаго, безпокойнаго нрава, а причиною неудовольствія было то, что злоупотребленія вкоренились повсюду и сверху и донизу просочились въ администраціи и въ понятіяхъ самого общества, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось, и я начинала понимать, почему у него такъ много враговъ. Онъ былъ

истинно передовымъ человѣкомъ еще въ то время, когда это слово не было опошлено, когда за него ссылали въ Вятку. По своимъ взглядамъ, понятіямъ, образованію, по обширности ума, по энергіи характера, онъ былъ несравненно выше той среды, въ которой приходилось работать, и не мудрено, что въ борьбѣ съ отсталыми понятіями, необразованностью и произволомъ, ему случалось терять всякое терпѣніе и задѣвать самолюбія. А между тѣмъ мысль его всегда была такъ вѣрна, слово такъ убѣдительно, что побѣда всегда оставалась за нимъ и это еще болѣе озлобляло людей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло. Ненавистный многимъ лицамъ, стоявшимъ на первыхъ ступеняхъ власти, и совершенно неизвѣстный государю, Н. А. Милютинъ находилъ единственную опору въ небольшомъ кругу друзей, въ любви и преданности своихъ подчиненныхъ и вообще во второстепенной шеренгѣ дѣятелей по своему и по другимъ вѣдомствамъ. Тутъ онъ пользовался огромною репутаціей и вѣсомъ, и на него смотрѣли какъ на человѣка, который будетъ представителемъ новыхъ и лучшихъ силъ государства. Это мнѣ обнаружилось позже и понемногу; но первый годъ замужества меня сильно тревожила и волновала мысль, что онъ стоитъ совершенно одинъ безъ всякой поддержки, среди совершенно чуждыхъ и враждебныхъ элементовъ. Даже отъ родственниковъ мнѣ приходилось слышать нареканія и зловѣщія предсказанія, что онъ далеко не уйдетъ, что онъ рано или поздно сломитъ себѣ шею, что съ невоздержанностью его языка и характера, онъ никакъ не пріобрѣтетъ себѣ друзей, а наживетъ много враговъ. Я сперва горячилась и спорила, а потомъ попривыкла и стала отмалчиваться, и не обращать на это вниманія. Если по временамъ огорченіе и безпокойство овладѣвали мною, то сомнѣніе не пробуждалось никогда. Для меня горѣла надъ нимъ звѣздочка, которой я глубоко вѣрила, и даже позже, въ самыя критическія минуты, когда обстоятельства рисовали передо мной печальныя картины удаленій, униженій, ссылокъ и всякаго рода горькихъ испытаній, не затмевалось ни единаго луча моей звѣздочки, не прекращалась вѣра во все то, что Россіи должно ожидать отъ нея. «Ну, что же, и въ Сибирь прогуляемся», говаривала я ему шутя, когда приходилось жутко, но онъ угадывалъ въ этомъ шутливомъ тонѣ чувство глубокой, серьезной преданности къ нему и къ его убѣжденіямъ, и это ободряло его.

II.

Протоколъ Думы по поводу письма Н. Безобразова.—Появленіе этого протокола на страницахъ „Русскаго Вѣстника".—Гнѣвъ генералъ-губернатора и походъ на Николая Алексѣевича.—Особое засѣданіе совѣта министровъ по запискѣ Игнатьева.—Заступничество князя Горчакова. — Неудовольствіе государя.—Ланской везетъ отставку Николаю Алексѣевичу. — Новый поворотъ дѣла.—Представленіе по случаю Владимірской звѣзды; разговоры съ государемъ и императрицею. — Балъ въ Михайловскомъ дворцѣ. — Письма генералъ-адъютанта Ростовцева. — Назначеніе Николая Алексѣевича въ члены крестьянскаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. — Увольненіе Ал. Иракліевича Левшина и толки о новомъ товарищѣ. — Нѣсколько словъ о кандидатахъ на это мѣсто. — Разговоры государя съ Ланскимъ и Ростовцевымъ о Николаѣ Алексѣевичѣ.—Назначеніе послѣдняго товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и членомъ редакціоннаго комитета. — Впечатлѣніе этого событія на публику.—Представленіе въ новой должности государю и разговоръ съ нимъ.

Непріятности, о которыхъ я говорила выше, и которыя чуть было не заставили Николая Алексѣевича выйти въ отставку, произошли въ ноябрѣ 1858 года. Поводомъ къ нимъ была Дума и новыя городскія учрежденія.

Городской уставъ—первое полное созданіе молодости Николая Алексѣевича. Онъ приступилъ къ нему въ 1844 г. при министерствѣ Перовскаго. Городское управленіе и хозяйство находилось тогда въ состояніи запущенія и безобразія. Городъ не имѣлъ никакой независимости отъ общей администраціи; два, три чиновника, въ совершенномъ повиновеніи и раболѣпствѣ предъ генералъ-губернаторомъ, вели все дѣло, помыкая мѣщанами и купцами, единственными тогда представителями города.

Уставъ, вышедшій на совершенно новыхъ и широкихъ началахъ изъ-подъ пера Николая Алексѣевича, былъ введенъ въ дѣйствіе въ 1846 году и утвержденъ, по представленію Перовскаго, императоромъ Николаемъ I, который въ революціонныхъ тенденціяхъ замѣченъ, кажется, не былъ. Не менѣе того, уставъ этотъ болѣе всего способствовалъ къ распространенію репутаціи «революціонера» относительно моего мужа. Препятствій къ приведенію въ дѣйствіе этого новаго механизма встрѣтилось много и отъ тѣхъ самыхъ лицъ, въ интересахъ которыхъ онъ болѣе всего былъ задуманъ. Всякая перемѣна, всякое новое дѣло встрѣчается у насъ недовѣрчиво. Вялость, нерадѣніе и недовѣріе, съ которыми первое время отнеслись къ этой благодѣтельной перемѣнѣ сами же купцы, сильно огорчали мужа. Дворяне, съ своей стороны, показывали мало сочувствія; иные относились совершенно враждебно къ новымъ порядкамъ, считая какъ бы обиднымъ для

своего достоинства обсуждать дѣла и вотировать на равныхъ правахъ съ низшими сословіями, и присутствовать въ общихъ собраніяхъ въ такой смѣшанной компаніи.

Въ числѣ такихъ находился Николай Безобразовъ (столь блистательно ознакомившій позже публику съ своими отсталыми понятіями въ заграничной прессѣ по поводу крестьянскаго вопроса). Исполненный дворянской спѣси, онъ уже тогда интриговалъ противъ Николая Алексѣевича и всячески ему противодѣйствовалъ. Понемногу, однако, благодаря настойчивости и постоянству Н. А. Милютина, новыя колеса задвигались, стали ворочаться быстрѣе и свободнѣе, требуя по временамъ заботливаго ока и поддержки машиниста. Двѣнадцать лѣтъ практики, казалось, упрочивали и обезпечивали права Думы на существованіе, какъ начались опять нападки со стороны вновь назначеннаго генералъ-губернатора Игнатьева.

Съ самой минуты вступленія своего въ эту должность, Игнатьевъ отнесся къ Думѣ враждебно, не переставая воевать съ нею. Самоуправленіе особенно его коробило. Ожидать согласія общаго собранія Думы на требованія, которыя, въ былые годы, исполнялись по первому мановенію генералъ-губернатора, казалось ему чѣмъ-то невѣроятно дерзкимъ, неслыханно уродливымъ. Долго продолжалась война канцелярской перепиской, затрудненіями и задержками въ городскихъ распоряженіяхъ, словесными изверженіями негодованія, когда вдругъ онъ налетѣлъ на Думу, какъ коршунъ на добычу, за которою долго слѣдилъ съ высоты, и выступилъ на серьезное сраженіе, хотя предлогъ къ нему, какъ мы сейчасъ увидимъ, очень серьезнымъ считаться не можетъ.

Между прочими незначительными нововведеніями формъ, распорядители Думы нашли полезнымъ разослать всѣмъ домовладѣльцамъ обывательскія грамоты или почетные дипломы, опредѣляющіе ихъ права на городскія владѣнія, и на право голоса въ распоряженіяхъ, касающихся до города. Эту бумагу всѣ петербургскіе хозяева или домовладѣльцы приняли безъ малѣйшаго недоумѣнія и разспросовъ, за исключеніемъ одного Николая Безобразова, который цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ безсильно злобствовалъ на Думу, и высказывалъ, гдѣ могъ, свою барскую непріязнь къ этому «демагогическому», какъ онъ выражался, учрежденію. Онъ возвратилъ свою обывательскую грамоту при весьма дерзкомъ письмѣ, гдѣ съ негодованіемъ отвергалъ право у Думы жаловать или не жаловать грамоты дворянамъ вообще, а ему въ особенности, имѣющему уже за нѣсколько столѣтій свои дворянскія грамоты, доказывающія его права на всевозможныя владѣнія.

Одинъ изъ членовъ общей Думы, Дмитрій Петровичъ Хрущевъ, человѣкъ прямой, дѣятельный и усердно преданный преуспѣянію новыхъ учрежденій городского управленія, въ которомъ самъ, какъ домо-

владѣлецъ и старшина, принималъ живое участіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ, слишкомъ рьяный покровитель возникавшей тогда «благодѣтельной гласности» (многимъ въ то время вскружившей головы), возымѣлъ неудачную мысль послать письмо Безобразова и протоколъ Думы по этому дѣлу въ Москву, въ редакцію «Русскаго Вѣстника», для напечатанія.

Поступокъ Безобразова былъ, точно, неумѣстенъ, а еще болѣе смѣшонъ; но оглашать его печатно ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало, а еще менѣе тогда, когда раздраженіе на Думу было безъ того сильно и слѣдовало пріучать къ порядкамъ ея мирно, понемногу, не дразня гусей. Мужъ неоднократно говорилъ это Хрущеву, стараясь умѣрять его рвеніе въ этомъ случаѣ; но, какъ это часто случается, le disciple allait plus loin que le maître [1]) и, при упорствѣ Хрущева, увѣщанія мужа на него мало дѣйствовали.

Не успѣли еще высохнуть листы того нумера «Русскаго Вѣстника», въ которомъ описывалась Безобразовская выходка, какъ уже открылся со всѣхъ сторонъ батарейный огонь. Племянникъ князя Орлова, предсѣдателя Государственнаго Совѣта, Безобразовъ не преминулъ пожаловаться дядюшкѣ на дерзостный поступокъ Думы и поднять грозное знамя нападенія. «Какъ!.. Дума не только дѣлаетъ оппозицію генералъ-губернатору, не только самовластвуетъ въ своихъ распоряженіяхъ, она еще присвоиваетъ себѣ гласность печати, которая не существуетъ! Не самое ли это вредное, революціонное учрежденіе? Возможно ли его терпѣть въ государствѣ?»

Въ такомъ свѣтѣ было представлено дѣло на обсужденіе министровъ. Подъ особымъ покровительствомъ предсѣдателя князя Орлова, генералъ Игнатьевъ испросилъ разрѣшеніе лично внести и представить свою записку въ совѣтъ министровъ, что́ и было ему разрѣшено. Буря разразилась страшная; содрогнулся совѣтъ министровъ. Что́ при этомъ говорилось, какія употреблялись слова—теперь невѣроятно. Думу обвиняли въ государственной измѣнѣ, и обвиненіе это бросалось главнымъ образомъ на Николая Алексѣевича, «создателя этого революціоннаго учрежденія и нынѣ главнаго защитника его въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ». Всѣ взапуски начали выражать свои мнѣнія на его счетъ, обращаясь съ укоризною къ Ланскому и изумляясь, что онъ терпитъ при себѣ такого неблагонамѣреннаго человѣка. Въ этихъ упрекахъ проглядывало какое-то злорадство, удовольствіе отмстить старику за сочувствіе, которое онъ обнаруживалъ къ возникавшему дѣлу освобожденія крестьянъ, первые за-

---

[1]) Ученикъ шелъ гораздо дальше своего наставника.

датки котораго разработывались, какъ сказано, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Добродушный старецъ (С. С. Ланской) вообще большимъ авторитетомъ въ совѣтѣ не пользовавшійся и отличавшійся въ засѣданіяхъ невозмутимымъ спокойствіемъ души и молчаніемъ, не нашелся, что сказать въ защиту своего директора.

Одинъ только человѣкъ во всемъ совѣтѣ на это отважился, но скоро долженъ былъ также смолкнуть: князь Горчаковъ попробовалъ было сказать, «что муниципальное управленіе вездѣ, во всѣхъ европейскихъ государствахъ, есть часть совершенно отдѣльная, независимая отъ общей администраціи, что особенныхъ революціонныхъ нововведеній со стороны Милютина онъ тутъ не видитъ и что все дѣло ему кажется очень преувеличено». На это государь замѣтилъ: «Напрасно заступаетесь; Милютинъ уже давно имѣетъ репутацію краснаго и вреднаго человѣка».

Эти слова какъ будто всѣхъ успокоили и удовлетворили; негодованіе стихло, стали разсуждать о самомъ дѣлѣ и положили слѣдующее: во-первыхъ, сдѣлать Думѣ выговоръ; во-вторыхъ, нарядить коммисію, для пересмотра Положенія Думы.

Николай Алексѣевичъ уже давно понималъ, что Дума будетъ то орудіе, которымъ нанесутъ ему удары, и хотя всегда былъ готовъ встрѣтить пораженіе, выгораживалъ постоянно Думу, а не самого себя. Помочь дѣлу тутъ уже не было возможности, и оставалось выжидать, чѣмъ разыграется интрига. Но, по разсказу Ланскаго, онъ ясно увидалъ, что тутъ война направлена гораздо болѣе лично на него, нежели на Думу, и какъ ни скорбѣлъ онъ за самое дѣло, пришлось однакоже подумать и о себѣ. «Если государь такъ возстановленъ противъ меня, то онъ не долженъ терпѣть моего участія въ службѣ», было первымъ и логическимъ его заключеніемъ.

Онъ объяснился объ этомъ съ Ланскимъ, который дѣлалъ что могъ, чтобы утѣшить его и доказать, что дѣло не дошло еще до такой крайности, но однако взялся доложить государю.

Мы провели три слѣдующихъ дня, отъ этого засѣданія до доклада министра, въ очень, какъ легко представить, неспокойномъ состояніи духа. Далеко не охотникъ до преждевременныхъ сѣтованій, Николай Алексѣевичъ въ такія минуты бывалъ особенно молчаливъ, на видъ даже равнодушенъ, но знающему его близко всегда можно было угадать, что на душѣ у него не покойно. Онъ поддерживалъ шутливый тонъ и мы оба, этимъ обманывая другъ друга, положили, что если придется выйти въ отставку, снова попросимъ гостепріимства у брата въ деревнѣ, поѣдемъ въ «Райки», поселимся тамъ на зиму и

лѣто, и оттуда Николай Алексѣевичъ будетъ присылать статьи серьезнаго содержанія въ какой-нибудь журналъ.

Между тѣмъ, день доклада министра внутреннихъ дѣлъ наступилъ. Онъ доложилъ, что «Милютинъ просится въ отставку, сомнѣваясь въ возможности оставаться на службѣ при нерасположеніи къ нему его величества». Послѣ минутнаго колебанія государь спросилъ Ланскаго: ручается ли онъ за своего директора?

— Какъ за самого себя, ваше величество, — отвѣчалъ добрый старецъ.

Повидимому, этимъ отвѣтомъ онъ совершенно обезоружилъ государя, который сказалъ, что въ такомъ случаѣ не видитъ надобности принимать прошеніе объ отставкѣ мужа. На этомъ, до поры до времени, дѣло и кончилось лично для Николая Алексѣевича. Но Думѣ все-таки велѣно было сдѣлать строжайшій выговоръ и пересмотрѣть Положеніе. Развязка такого рода была для Николая Алексѣевича равносильна всякой личной неудачѣ, и нѣсколько времени послѣ того, когда заговаривалъ онъ о Думѣ, голосъ его дрожалъ и лобъ покрывался краской.

Три дня спустя, былъ вечеръ у великой княгини Елены Павловны (единственные вечера, куда Николай Алексѣевичъ ѣздилъ въ ту пору); тутъ онъ видѣлъ князя Горчакова, и въ первый разъ изъявилъ желаніе быть ему представленнымъ. Разговоръ тотчасъ же коснулся Думы и ея управленія, при чемъ мужъ выразилъ князю свою благодарность за поддержку въ совѣтѣ министровъ.

Съ Хрущевымъ, который до тѣхъ поръ принимался у насъ на дружеской ногѣ, Николай Алексѣевичъ разошелся; но, вообще незлопамятный, онъ не могъ долго на него сердиться. Не прошло и мѣсяца, какъ ему надо было писать Хрущеву по дѣлу, и онъ кончилъ свое письмо словами: «Все-таки любящій васъ Н. Милютинъ». Въ отвѣтъ на это Хрущевъ писалъ: «Неперестававшій васъ любить Д. Хрущевъ».

Они оба послѣ посмѣялись надъ этимъ спряженіемъ глагола любить, и снова воцарилось дружелюбіе, по крайней мѣрѣ, внѣ административныхъ вопросовъ.

Между тѣмъ развязка этого событія была еще впереди. 30-го августа, т. е. за три мѣсяца передъ этимъ, Николай Алексѣевичъ получилъ Владимірскую звѣзду и долженъ былъ представиться государю.

Нельзя было предполагать, чтобъ государь не сдѣлалъ никакихъ намековъ на столь недавнее происшествіе. Судя по неудовольствію, которое оно въ немъ возбудило, Николай Алексѣевичъ не могъ ожидать благосклоннаго пріема, а, напротивъ того, готовился къ выговору и притомъ незаслуженному. По мѣрѣ того, какъ приближался роковой часъ, онъ все болѣе и болѣе омрачался и снова заговорилъ объ отставкѣ. Когда пришло время отъѣзда, лицо его было блѣдно. У меня такъ-же

сердце было не на мѣстѣ, но я бодро и весело простилась съ нимъ, стараясь не замѣчать его тревогу.

— То непріятно, — сказалъ онъ, — что насъ нѣсколько человѣкъ представляются сегодня, пожалуй, при постороннихъ придется выслушать непріятности.

Съ трепетомъ ожидала я его возвращенія, сидя у окна съ работою и прислушиваясь къ стуку каждой кареты.

Наконецъ, остановился у подъѣзда экипажъ и раздался звонокъ. Я выбѣжала къ нему на встрѣчу.

— Ну что?

— Ничего.

— Все обошлось благополучно?

— Il a voulu être dur, mais sa bonne nature a pris le dessus [1]).

Затѣмъ онъ передалъ все подробно.

Государь принялъ его вмѣстѣ съ другими лицами, выше его чиномъ, съ которыми, говорилъ прежде, поочередно, и большею частью благосклонно, какъ съ знакомыми, посматривая сбоку на Н. А. Милютина нѣсколько сердито, но съ любопытствомъ. Когда очередь дошла до него, онъ не далъ даже договорить Рибопьеру обычную фразу о чинѣ и должности, перебилъ его, и, обращаясь серьезно къ Николаю Алексѣевичу, сказалъ:

— Очень радъ васъ видѣть. Вы, кажется, пользуетесь особеннымъ довѣріемъ вашего министра. Надѣюсь, что вы оправдаете это довѣріе.

Слова, сами по себѣ, особенно жестокаго не заключали, но тонъ, повидимому, поразилъ мужа рѣзкимъ различіемъ съ предыдущими разговорами; потомъ, поговоривъ еще съ двумя—тремя другими лицами, государь всѣмъ поклонился и сталъ удаляться, но, подойдя къ двери кабинета, обернулся и сказалъ громко:

— Милютинъ!..

Николай Алексѣевичъ отдѣлился отъ выходящей группы и вошелъ за нимъ въ кабинетъ.

Тутъ обращеніе уже совершенно перемѣнилось. Государь очень дружески говорилъ о Дмитріи Алексѣевичѣ (Милютинѣ) [2]), о томъ, что ему пишутъ изъ Тифлиса о Барятинскомъ; много разспрашивалъ о здоровьи Дмитрія Алексѣевича, восхвалялъ его дѣятельность и нѣсколько разъ повторилъ, что онъ имъ очень доволенъ. Однимъ словомъ, первое свиданіе кончилось благополучнѣе, нежели слѣдовало ожидать; а все-таки нельзя было не сдѣлать изъ него тяжелаго вывода: первыми словами государь выражалъ какъ бы сомнѣніе въ хорошемъ выборѣ Ланскаго и во всякомъ

[1]) Онъ хотѣлъ быть суровъ, но добрая его натура взяла верхъ надъ гнѣвомъ.

[2]) Нынѣ графъ и генералъ-фельдмаршалъ. Ред.

UNIVERSITY OF ILLINOIS LIBRARY

случаѣ ясно показывалъ, что Николай Алексѣевичъ пользовался только довѣріемъ своего министра, а не государя.

Избраннымъ людямъ дѣйствовать нигдѣ и никогда легко не бывало. Но грустно видѣть, сколько уходитъ силъ, сколько пропадаетъ энергіи въ этихъ безпрерывныхъ столкновеніяхъ съ фиктивными опасеніями, созданными невѣжествомъ и часто просто личными ненавистями! Кажется, стоитъ пройти чрезъ эту школу, чтобъ утратить въ ней всѣ лучшія стремленія, всякій пылъ и рвеніе къ государственной дѣятельности и сдѣлаться равнодушною муміей.

Николай Алексѣевичъ не только не винилъ Ланскаго за упорное молчаніе въ совѣтѣ по дѣлу, въ которомъ онъ раздѣлялъ его убѣжденіе, а былъ даже тронутъ его отвѣтомъ государю. Старикъ не любилъ ни за кого ручаться и если Николаю Алексѣевичу случалось это дѣлать въ оправданіе кого-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ, онъ всегда перебивалъ его словами:

— Ну, какъ это можно, Николай Алексѣевичъ, въ чужую душу не влѣзешь,—или:

— On voit bien que vous êtes encore jeune [1]); quand vous aurez mon âge, vous verrez qu'on ne peut répondre de personne comme de soi-même [2]).

Этотъ эпизодъ надѣлалъ въ административныхъ сферахъ и въ петербургскомъ обществѣ много шуму. Но если, съ одной стороны, были причины падать духомъ, то съ другой—находились также и ободряющія, утѣшительныя явленія. Цѣлыхъ двѣ недѣли въ безпрерывныхъ разговорахъ слышались подтвержденія и новыя доказательства того, какъ любимъ, цѣнимъ и уважаемъ былъ Николай Алелсѣевичъ всѣми мыслящими людьми. Популярность его росла съ каждымъ днемъ, и громко жалѣли, что государь враждебно настроенъ къ этому новому учрежденію, вмѣсто того, чтобы поощрять его введеніе въ остальныхъ городахъ Россіи, о чемъ уже просило населеніе Москвы и Одессы.

Другое неожиданное послѣдствіе этой катастрофы было знакомство съ императрицею, мягкія слова которой ему, въ то время, показались утѣшительны. Любопытство ея было, вѣроятно, подстрекаемо всѣми противоположными слухами и мнѣніями на его счетъ. Это произошло также на вечерѣ у великой княгини Елены Павловны, салоны которой въ ту зиму открывались по четвергамъ для избраннаго меньшинства петербургскихъ разнородныхъ кружковъ (не говорю beau mond'a, ибо тутъ встрѣчались не одни государственные и свѣтскіе люди, но и артисты, и

---

[1]) Въ 1858 г. Николаю Алексѣевичу было 40 лѣтъ.

[2]) Видно, что вы еще молоды; когда вы будете въ моихъ годахъ, то увидите, что нельзя ручаться ни за кого, кромѣ себя.

ученые, и чиновники небольшого сана). Императрица подошла къ мужу въ ту минуту, когда онъ разсуждалъ о крестьянскомъ дѣлѣ съ флигель-адъютантомъ и тульскимъ помѣщикомъ Алексѣемъ Павловичемъ Бобринскимъ, и, узнавъ о предметѣ ихъ разговора, сама вошла въ бесѣду, при чемъ выразила глубокое огорченіе въ томъ, что члены Главнаго комитета, вмѣсто того, чтобы помогать государю въ достиженіи столь высокой цѣли, противодѣйствуютъ ходу дѣла и замедляютъ его. При этомъ она, съ истинно-женскою ловкостью, успѣла сказать пріятное слово мужу:

— De tous ces Messieurs, il n'y avait que le comte Kisséleff, qui avait étudié cette question, et qui la désirait sincèrement [1]).

Говоря о скоромъ своемъ отъѣздѣ въ Тулу (для участія въ губернскомъ комитетѣ), графъ Бобринскій назвалъ кого-то изъ тамошнихъ помѣщиковъ «conservateur enragé». Императрица улыбнулась и, глядя на мужа, сказала:

— Voilà encore un de ces grands mots dont on use chez nous à tor, et á travers [2]).

— Ce n'est pas pour vous, comte, que je dis cela,—прибавила она, обращаясь къ Бобринскому;—j'exprime seulement le regret que tous ces surnoms de rouge, de révolutionnaire et de conservateurs aient court chez nous, ou ils n'ont pas le sens commun [3]).

Во все время этой бесѣды великая княгиня Елена Павловна не переставала бросать въ ихъ сторону ликующіе взгляды. Она давно желала познакомить лично государя и государыню съ Николаемъ Алексѣевичемъ и радовалась, что желаніе ея, наконецъ, исполнилось. Участіе, которое она показывала мужу десять лѣтъ до того времени, никогда не измѣнялось. Знакомство ихъ произошло по поводу той же Думы и вотъ какимъ образомъ. Н. А. Милютину случалось проводить лѣтомъ два-три дня въ недѣлю у дяди своего графа Павла Дмитріевича Киселева, на дачѣ въ Лѣсномъ Институтѣ. Лѣтомъ 1846 года, когда вводилось новое городское положеніе и собиралось первое общее собраніе, Николай Алексѣевичъ разъяснялъ дядѣ пользу городской реформы, а тотъ, въ свою очередь, заинтересовалъ великую княгиню. Она пожелала видѣть виновника преобразованія и просила графа привести его къ

---

[1]) Изъ всѣхъ этихъ господъ только графъ Киселевъ изучилъ этотъ вопросъ и который желаетъ его осуществленія.

[2]) Это опять одно изъ громкихъ словъ, которыя у насъ употребляютъ и вкривь и вкось.

[3]) Я это отношу не къ вамъ, графъ, прибавила она обращаясь къ Бобринскому. Я хочу только этимъ выразить сожалѣніе о томъ, зачѣмъ пускаютъ въ ходъ клички красныхъ, революціонеровъ и консерваторовъ у насъ, гдѣ онѣ не имѣютъ никакого смысла.

себѣ. Киселевъ, далеко не зараженный непотизмомъ и державшій племянниковъ своихъ очень строго, пока они сами не вышли въ люди и не обратили на себя вниманіе, не очень охотно повезъ къ ней Николая Алексѣевича, поглощеннаго трудовою жизнью и чуждавшагося всякихъ величій, за что дядюшка называлъ его демагогомъ. Чтобъ молодой человѣкъ не возгордился приглашеніемъ, онъ счелъ нужнымъ, между прочимъ, сказать ему, что великая княгиня большая покровительница артистовъ, и что онъ приглашается именно въ качествѣ артиста.

Какъ бы то ни было, но великая княгиня скоро оцѣнила умъ и дарованія Николая Алексѣевича, и съ этихъ поръ онъ сталъ близкимъ гостемъ Михайловскаго дворца.

За этимъ первымъ разговоромъ съ императрицею послѣдовали настоятельныя требованія Ланскаго представиться императрицѣ. Вообще, это время его какъ-то совали впередъ, находя, что послѣ недавней непріятности скрываться болѣе не должно, и что надо убѣдить que le diable n'est pas aussi noir qu'il en a l'air.

Къ величайшему моему конфузу великая княгиня Елена Павловна прислала сказать, чрезъ свою гофмейстерину, что и мнѣ также необходимо представиться государынѣ. Выросшая въ одиночествѣ [1]), безъ матери, безъ покровителей, вдалекѣ отъ большого свѣта, я думала всегда остаться отъ него въ сторонѣ. Я не искала случая ѣздить и въ Михайловскій дворецъ; это сдѣлалось помимо моей воли и единственно по ласковымъ отношеніямъ великой княгини къ Николаю Алексѣевичу. Еще когда я сдѣлалась его невѣстой, она пожелала видѣть меня и съ тѣхъ поръ всегда была благосклонна. Но и на ея вечера я ѣздила неохотно. Это отвлекало отъ домашнихъ занятій, отъ дѣтей и вводило въ туалетныя издержки.

Тѣмъ не менѣе, по приказанію великой княгини Елены Павловны я поѣхала къ княгинѣ Салтыковой, а нѣсколько дней спустя явилась къ официальному представленію вмѣстѣ съ полдюжиною другихъ дамъ. Государыня очень милостиво говорила со мной, разспрашивала гдѣ я провела молодость, почему меня въ свѣтѣ не видѣли, сказала, что помнитъ моихъ братьевъ молодыми офицерами, сестру мою, Львову, и обо всѣхъ съ участіемъ разспрашивала. На другой день до меня дошло, что она въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отозвалась обо мнѣ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая передала это брату моему Александру Аггеевичу (Абаза), занимавшему тогда должность ея гофмейстера.

На той же недѣлѣ былъ принятъ и мужъ мой; съ нимъ также государыня была милостива и ласкова и откровенно бесѣдовала объ эмансипаціи.

---

[1]) Братья и сестры мои были гораздо старше меня, а матушка скончалась, когда мнѣ было два года.

Выдвинутая неожиданно изъ своей спокойной, семейной жизни, я была раза три на придворныхъ балахъ; памятнѣе всѣхъ остался маскарадный праздникъ въ Михайловскомъ дворцѣ на Рождество 1858—1859 г. Цѣль была достигнута вполнѣ и государь говорилъ, что не веселился такъ съ самаго дѣтства.

Вечеръ начался маленькимъ театральнымъ представленіемъ, въ которомъ главныя роли исполнялись любимою пѣвицею великой княгини Елены Павловны m-lle Stubbe, вмѣстѣ съ Ронкони и Кальцоляри въ опереткѣ «A deux pas du bonheur». Это происходило въ комнатахъ нижняго этажа или такъ-называемыхъ салонахъ княжны Львовой, гдѣ была устроена сцена и ряда два стульевъ для избранныхъ міра сего, ибо комната очень мала. Пока всѣ члены царской фамиліи и сановники слушали оперу, въ другихъ комнатахъ собирались остальные гости обоего пола, въ маскахъ и костюмахъ или бальныхъ одѣяніяхъ. Къ десяти часамъ всѣ приглашенные были уже на лицо, и тутъ шла оживленная бесѣда, при которой всѣ веселились чуть-ли не болѣе, нежели при открытіи бала. Когда спектакль кончился, то подъ предводительствомъ графа Фредро (великаго балагура, пользовавшагося на этомъ основаніи разными ласками и льготами въ большомъ свѣтѣ, несмотря на то, что онъ смахивалъ на польскаго шпіона), вся толпа масокъ, костюмовъ и домино образовала шествіе попарно и длинною процессіею двинулась въ залу, которая сверху до низу, не исключая потолка, убрана была цвѣтами, переплетенными растеніями и гирляндами, испещренными тысячью огней въ разноцвѣтныхъ фонарикахъ въ формѣ цвѣтовъ. Вся комната имѣла видъ какой-то волшебной бесѣдки. Тутъ еще представлялись разныя картины и аллегоріи; въ маленькихъ нишахъ, изъ цвѣтовъ и зелени устроенныхъ, разыгрывались аллегри, предсказывалось будущее импровизированными жрецами. Во все это время играла музыка, а потомъ начались танцы. Многіе не танцовали, но ходили подъ масками интриговать; оживленіе было общее. Государь былъ въ одеждѣ пилигримма. Нѣсколько молодыхъ людей одѣлись дамами въ элегантныя домино, интриговали своихъ начальниковъ и чуть не вскружили имъ головы. Такъ, напримѣръ, военный министръ Сухозанетъ почти весь вечеръ просидѣлъ съ розовымъ домино, ухаживалъ за нимъ донельзя, восхищаясь его любезностью и умомъ, цѣловалъ его руки и всѣхъ допрашивалъ: «Кто эта очаровательная женщина?» Не знаю добился-ли онъ правды, но многіе скоро узнали, что эта очаровательнѣйшая изъ женщинъ не кто иной, какъ его адъютантъ Кавелинъ.

Праздникъ этотъ, по всеобщему отзыву, вполнѣ удался, и сама великая княгиня Елена Павловна долго и съ удовольствіемъ о немъ вспоминала. Позже были повторенія, но этотъ, какъ первый въ своемъ родѣ,

былъ всего удачнѣе. Тутъ же произошло слѣдующее событіе, которое обѣщало нѣкоторое покровительство крестьянскому дѣлу.

Императрица на этомъ вечерѣ въ первый разъ встрѣтившись съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ послѣ возвращенія его изъ-за границы, рѣшилась подойти къ нему и съ нимъ заговорить (чего никто не ожидалъ, зная ея нерасположеніе съ нему), и просила прислать ей копію съ его «писемъ» объ освобожденіи крестьянъ.

Сама жизнь слагается такъ, что мелкое и незначительное идетъ рядомъ съ крупнымъ и серьезнымъ.

Возвращаюсь къ положенію Николая Алексѣевича.

Съ зимы 1858 года произошла перемѣна въ образѣ его жизни. Дурные замыслы людей часто обращаются противъ нихъ: враги строили ему козни, думали очернить его, а сдѣлали то, что онъ сталъ лично извѣстенъ государю.

Какъ бы въ утѣшеніе за недавнюю служебную непріятность (по Думѣ), Сергѣй Степановичъ Ланской назначилъ Николая Алексѣевича членомъ крестьянскаго комитета при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Тутъ безъ всякаго домогательства, одною силою вещей и благодаря огромному запасу законодательныхъ свѣдѣній и точнаго пониманія нуждъ, потребностей и обычаевъ своего народа, Николай Алексѣевичъ скоро сдѣлался la cheville ouvrière дѣла, предусматривая дальнѣйшій ходъ его развитія. Такъ, напримѣръ, вопросъ о выкупѣ казался ему дѣломъ первостепенной важности для успѣха всего дѣла. Но надъ однимъ словомъ в ы к у п ъ было произнесено какъ бы проклятіе, и всякій разъ, какъ Ланской заикался о немъ государю, его величество прерывалъ его словами:

— Это невозможно, объ этомъ нельзя и думать.

Частныхъ проектовъ ходило тогда много по рукамъ; всѣ они, конечно, изображали стремленія и интересы дворянскіе, интересы же государственные и крестьянскіе мало имѣли представителей; большинство этихъ проектовъ и записокъ государь отсылалъ, по прочтеніи, въ министерство внутреннихъ дѣлъ на обсужденіе комитета, при немъ состоящаго. Одинъ изъ нихъ обратилъ на себя вниманіе Николая Алексѣевича; въ немъ предлагался проектъ о выкупѣ. Онъ былъ подписанъ графомъ Алексѣемъ Павловичемъ Бобринскимъ.

Окруженный самъ всякими преградами, помѣхами и недоброжелательствомъ, Николай Алексѣевичъ рѣшился сдѣлать изъ Бобринскаго орудіе для проведенія мысли о выкупѣ или, по крайней мѣрѣ, чрезъ него освоить съ этою мыслью государя и общественное мнѣніе. Познакомившись съ Бобринскимъ у великой княгини Елены Павловны, онъ сказалъ ему, что читалъ его работу, что кое-что слѣдовало бы передѣлать, но что сущность ея очень дѣльная.

По соглашенію съ Ланскимъ, Бобринскій былъ приглашенъ принимать участіе въ крестьянскомъ комитетѣ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, передѣлавъ или, лучше сказать, сдѣлавъ по своему проектъ о выкупѣ Бобринскаго, Николай Алексѣевичъ вскорѣ выпустилъ его съ нимъ по всѣмъ салонамъ, министерствамъ и царскимъ покоямъ.

Между тѣмъ, Я. И. Ростовцевъ, все болѣе и болѣе пріобрѣтавшій довѣріе государя по крестьянскому дѣлу, получилъ предписаніе учредить редакціонную коммиссію—для всѣхъ губернскихъ проектовъ и окончательной разработки общаго закона. Онъ скоро вошелъ въ сношеніе съ производителемъ дѣлъ крестьянской коммиссіи по министерству внутреннихъ дѣлъ, Соловьевымъ, и чрезъ него далъ знать Николаю Алексѣевичу, что разсчитываетъ на его сотрудничество и желалъ бы его видѣть.

Николай Алексѣевичъ до тѣхъ поръ не былъ лично знакомъ съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ; онъ никогда не встрѣчалъ его у графа Павла Дмитріевича Киселева и не могъ надѣяться, чтобы онъ выступилъ искреннимъ поборникомъ и защитникомъ эмансипаціи. Положеніе Николая Алексѣевича было очень тяжело; съ одной стороны, ему больно было устраняться отъ участія въ крестьянской реформѣ, о которой смолоду мечталъ, съ другой стороны, ему казалось невозможнымъ работать заодно съ Яковомъ Ивановичемъ, который былъ мало знакомъ съ юридическими вопросами. Цѣлыхъ двѣ недѣли Николай Алексѣевичъ не могъ рѣшиться сдѣлать ему визитъ, но необходимость этого требовала и онъ, наконецъ, поѣхалъ.

— Отъ подобнаго дѣла отказываться нельзя,—говорилъ онъ въ тяжкомъ раздумьи.

Но затѣмъ сыпались самыя тревожныя сомнѣнія насчетъ того, какъ пойдутъ работы?

Результатъ первыхъ совѣщаній былъ, однако, утѣшительнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Прежде всего ему удалось убѣдить Ростовцева въ необходимости не ограничиваясь бюрократическою помощью имѣющихся на лицо чиновниковъ, привлечь въ составъ коммиссіи людей новыхъ, опытныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, руководясь въ выборѣ ихъ тѣми заявленіями мнѣній, которыя обнаруживались при губернскихъ комитетахъ. Такимъ образомъ были выписаны всѣ наиболѣе даровитые люди, направленіе которыхъ выяснилось въ губернскихъ работахъ, какъ, напримѣръ, Самаринъ, князь Черкасскій, Галаганъ, Тарновскій и нѣсколько другихъ [1]). Всѣ они были испрошены въ члены всеподданнѣй-

[1]) Лично Николай Алексѣевичъ былъ до этого времени знакомъ лишь съ однимъ Самаринымъ.

шимъ докладомъ Ростовцева, вступившимъ въ званіе предсѣдателя еще до личнаго состава коммиссіи.

Въ то самое время, какъ Николай Алексѣевичъ приведенъ былъ въ сношеніе съ Яковомъ Ивановичемъ Ростовцевымъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ происходило слѣдующее событіе: товарищъ министра, Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, сильно поколебавшій довѣріе къ себѣ Ланскаго и самого государя, былъ принужденъ просить объ увольненіи отъ должности, на что тотчасъ же получилъ согласіе.

Кандидатами на мѣсто Левшина называли: князя Дмитрія Оболенскаго изъ морского министерства, бывшаго Курляндскаго губернатора Валуева, незадолго предъ тѣмъ вызваннаго Муравьевымъ на мѣсто директора департамента государственныхъ имуществъ, и Николая Алексѣевича, но противъ послѣдняго шла сильная агитація со стороны генералъ-адъютанта Игнатьева, Михаила Николаевича Муравьева, князя Василія Андреевича Долгорукова и генералъ-адъютанта Чевкина [1]), Буткова и Тимашева.

Хотя списокъ этотъ и не великъ, а все же не вмѣщаетъ въ себѣ и половины тогдашнихъ его доброжелателей.

Яростная оппозиція и интриги со всѣхъ сторонъ, вмѣстѣ съ недавнею непріятностью по поводу Думы, не только колебали, но парализовали добрыя намѣренія Сергѣя Степановича Ланскаго испросить его себѣ въ товарищи и онъ молчалъ, пока, наконецъ, самъ государь не назвалъ ему своего кандидата—князя Дмитрія Александровича Оболенскаго.

Дмитрій Оболенскій былъ одинъ изъ хорошихъ знакомыхъ мужа, хотя до того времени не принадлежалъ къ близкому его кругу. Они рѣдко посѣщали другъ друга, но часто встрѣчались sur terrain neutre и всего болѣе у великой княгини Елены Павловны, гдѣ уже лѣтъ пятнадцать оба принимались на самыхъ интимныхъ вечерахъ. Оболенскій, человѣкъ весьма милаго и добраго нрава, вполнѣ образованный и вполнѣ благородный, чувствовалъ нравственное надъ собой превосходство мужа, вовсе этого не скрывалъ и охотно ему подчинялся. Онъ наотрѣзъ отказался отъ предложенія, переданнаго ему Ланскимъ. Съ нами онъ никогда не говорилъ объ этомъ и Николай Алексѣевичъ узналъ это позже, отъ самого Ланскаго, которому онъ сказалъ, «что мѣсто товарища принадлежитъ, по всѣмъ правамъ, Милютину, что назначеніе его, Оболенскаго, было бы ужаснымъ passe droit Николая Алексѣевича и, наконецъ, что ни по лѣтамъ, ни по службѣ, ни по способностямъ не чувствуетъ себя въ правѣ быть его начальникомъ».

---

[1]) Послѣдній сталъ благоволить къ нему лишь два-три года спустя.

Такіе поступки рѣдки вообще.

Воодушевленный такимъ рыцарскимъ примѣромъ, подкрѣпленный, съ другой стороны, совѣтами великой княгини Елены Павловны, Сергѣй Степановичъ, наконецъ, почувствовалъ надлежащее мужество, чтобы назвать Николая Алексѣевича государю, при передачѣ отказа Оболенскаго. Государь показался удивленнымъ и недовольнымъ, сказалъ, что надо подождать, еще подумать и поискать.

Случилось, что именно въ тотъ же день, вслѣдъ за докладомъ Ланскаго, Ростовцевъ представлялъ первыхъ наличныхъ членовъ редакціонной коммиссіи (а именно: Соловьева, Булгакова, Жуковскаго, Семенова, Любощинскаго и мужа). Государь, видѣвшій тутъ въ первый разъ всѣхъ, кромѣ Булгакова и Николая Алексѣевича, обошелъ ихъ съ вопросами—гдѣ и давно ли они служатъ; потомъ сказалъ имъ всѣмъ маленькую рѣчь о важности поручаемаго имъ дѣла и о надеждѣ, что они оправдаютъ его довѣріе. Тутъ онъ опять особенно пристально смотрѣлъ на мужа, какъ-будто относя сказанное преимущественно къ нему. По окончаніи этого представленія онъ отвелъ Ростовцева въ сторону и съ нимъ говорилъ конфиденціально.

Къ вечеру того же дня Ростовцевъ прислалъ просить мужа къ себѣ и разсказалъ ему, что государь, повидимому озабоченный предложеніемъ Ланскаго, много разспрашивалъ его о томъ, «какого рода человѣкъ Милютинъ? говоря, что мнѣнія на его счетъ очень разнорѣчивы и преимущественно дурны, что хотя нѣкоторые считаютъ его человѣкомъ весьма даровитымъ, но большинство признаютъ самымъ вреднымъ человѣкомъ въ Россіи».

— Вредными людьми у насъ вообще принято считать всѣхъ либераловъ, — отвѣчалъ Ростовцевъ, — а Николай Алексѣевичъ точно человѣкъ либеральный и вполнѣ современный при наступающемъ на очередь дѣлѣ, что онъ весьма способный и пр. и пр...

Эти вѣчныя сомнѣнія насчетъ его «преданности престолу и отечеству», эти безпрестанные намеки на «вредность его направленія» оскорбляли лучшія чувства благородной души Николая Алексѣевича.

— За кого же меня принимаютъ,—горько говорилъ онъ,—если думаютъ, что я могу играть двусмысленную роль, обманывать правительство, если я разъ служу ему, беру жалованье и отдаю ему себя всецѣло, не щадя ни времени, ни силъ, ни здоровья.

Не зная почти вовсе Николая Алексѣевича, государь неизбѣжно вслушивался въ сужденія о немъ другихъ, хотя, можетъ быть, небезусловно имъ вѣрилъ и повидимому желалъ доискаться правды—дѣло нелегкое вообще, а при тогдашнихъ обстоятельствахъ особенно трудное. Происками и интригамъ въ административныхъ сферахъ не было конца.

Въ числѣ искателей мѣста Левшина находились: Петръ Алексан-

дровичъ Валуевъ, и еще два лица: Ш—въ и Б—й. Этимъ искательствамъ нельзя не приписать совершенную перемѣну отношеній ихъ къ мужу.

Съ самаго пріѣзда своего изъ Митавы, Валуевъ не переставалъ ухаживать за мужемъ, съ которымъ былъ знакомъ по Москвѣ, но потомъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ не видался. Николаю Алексѣевичу онъ оставался памятенъ, какъ отличный танцоръ, извѣстный необычайною свѣтскою ловкостью, любезностью и названіемъ «jeune homme modèle», которымъ окрестилъ его и его современника, Скарятина, государь Николай Павловичъ, проѣзжая чрезъ Москву. Это названіе долго за нимъ оставалось и доставило ему камеръ-юнкерство. По возобновленіи знакомства, мужъ говорилъ, шутя, что Валуевъ «развился», и на первыхъ порахъ восхищался его фразеологіей. Скоро, однако, она ему надоѣла и онъ увидалъ, что подъ этимъ псевдо-краснорѣчіемъ скрывается большая пустота, страшное честолюбіе и крайній феодализмъ. Валуевъ безпрестанно пріѣзжалъ къ мужу, пускался въ развитіе своихъ политическихъ profession de foi, напрашиваясь на интимныя бесѣды, и просиживалъ цѣлые вечера. Заваленный дѣлами, слишкомъ серьезными, мужъ скоро сталъ этимъ тяготиться и выпроваживать его изъ своего кабинета ко мнѣ въ гостиную, гдѣ на мнѣ лежала обязанность занимать тѣхъ, кто ему мѣшалъ [1]). Со мною Валуевъ также разсыпался въ любезностяхъ и разъ, наконецъ, объявилъ, что скоро ожидаетъ жену изъ Митавы, что она въ Петербургѣ никогда не была, никого не знаетъ, и что онъ проситъ позволенія привезти ее ко мнѣ. Меня это извѣстіе очень удивило: я не воображала, что онъ вторично женатъ. Оказалось, что по смерти первой жены (рожденной Вяземской), будучи губернаторомъ въ Митавѣ, онъ плѣнилъ дочь мѣстнаго полиціймейстера Вакульскаго (католика и поляка), и женился на этой дѣвицѣ. Вскорѣ затѣмъ прибывшая ко мнѣ новая m-me Валуева оказалась весьма некрасивою, но скромною, доброю и хорошею женщиной, совершенно нѣмецкаго свойства (она по матери нѣмка-лютеранка, хотя ея сестра и братъ католики). Въ продолженіе всей зимы 1858 года и начала 1859 года мы съ нею видѣлись довольно часто. Нашъ домъ былъ первый въ Петербургѣ, который пріютилъ ее; она пріѣзжала съ сестрой запросто и просиживала часто вечера. Барыни, впрочемъ, были совершенно чуждыя всему русскому, всѣмъ роднымъ интересамъ, и я порадовалась

[1]) Не малое число посѣтителей гнѣвалось на меня за него. On vient voir et parler d'affaires à Monsieur Milutine, говорили они, et on est renvoyé à M-me Milutine; ce n'est pas la même chose, въ чемъ я совершено съ ними согласна, но ничего не могла тутъ измѣнить; скажу только себѣ въ утѣшеніе, что и меня это мало забавляло и принималось лишь какъ неизбѣжное зло моего положенія.

когда онѣ расширили свой кругъ знакомства и стали посѣщать рѣже, что сдѣлалось, однако, не спроста. Валуевъ сблизилъ ихъ съ дамскимъ кругомъ своего непосредственнаго начальства.

Съ той минуты, какъ стало извѣстно удаленіе Левшина — Валуевъ значительно остылъ къ мужу, а въ городѣ сильно поговаривали объ его надеждахъ вступить товарищемъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Эта перемѣна произошла съ петербургскою атмосферическою быстротою и безъ малѣйшей застѣнчивости [1]).

Что касается остальныхъ кандидатовъ, то частыя ихъ посѣщенія и шумныя пренія съ Николаемъ Алексѣевичемъ всегда наводили на меня страхъ, и я умоляла мужа быть съ ними осторожнѣе. Но осторожность была не въ его характерѣ, когда она нужна была для него лично, а не для дѣла; и онъ продолжалъ быть съ ними нараспашку, что̀ все глубже и глубже рыло пропасть между ними. Взгляды ихъ были слишкомъ различны, и Николай Алексѣевичъ стоялъ слишкомъ нравственно-высоко, чтобъ быть ими понятымъ. Старанія ихъ привлечь его на свою аристократическую точку зрѣнія (имъ хотѣлось оставить всю землю и всю власть за помѣщиками, какъ въ Англіи, что такъ несовмѣстно съ духомъ славянскихъ племенъ, и что отчасти погубило Польшу) приводили лишь къ взаимному раздраженію и къ недобросовѣстному искаженію словъ Николая Алексѣевича—«des mots», которыя, на другой день, распускались по городу въ обезображенномъ видѣ. Къ довершенію раздраженія государь предложилъ самъ Б. въ члены редакціонной коммиссіи, чего тотъ сильно добивался: но Ростовцевъ отклонилъ государя отъ этого на томъ основаніи, что коммиссіи нужны законники и труженики, что Б. самъ трудиться не умѣетъ, а другимъ будетъ мѣшать своимъ строптивымъ и придирчивымъ характеромъ. Николай Алексѣевичъ совершенно раздѣлялъ его мнѣніе, однако узналъ объ устраненіи Б. нѣсколько дней спустя отъ Я. И. Ростовцева; но это не помѣшало самому Б. приписать свое устраненіе Милютину и окончательно стать къ нему въ враждебныя отношенія.

Оба претендента были люди ловкіе и въ настоящемъ смыслѣ слова свѣтскіе, дотолѣ не занимавшіеся ничѣмъ серьезно, и всего менѣе государственными дѣлами, получившіе то поверхностное образованіе, какимъ довольствовались въ то время въ Пажескомъ кадетскомъ корпусѣ, и обуреваемые непомѣрнымъ, по достоинству, честолюбіемъ [2]), были довольно опасными врагами Николая Алексѣевича и крестьянскаго

---

[1]) Тогда ему это не удалось, но, два года спустя, онъ уже вступилъ не товарищемъ, а министромъ.

[2]) Будущіе баденскіе генералы (см. „Дымъ“ Тургенева).

дѣла; опасными потому, во-первыхъ, что эта вражда прикрывалась формами дружелюбія и сочувствія къ самому вопросу, а во-вторыхъ, потому, что по служебнымъ и семейнымъ связямъ они принадлежали къ близкому кругу двора, гдѣ и считались своими людьми.

Недѣлю спустя послѣ того доклада, за которымъ слѣдовали совѣщанія съ Ростовцевымъ насчетъ Николая Алексѣевича, государь встрѣтилъ министра внутреннихъ дѣлъ словами:

— Eh bien, et votre adjoint?—toujours Milutine? [1])

Ланской низко поклонился.

— Mais Левшинъ ne peut-il attendre encore? [2])

— Sire, il attend, mais ne travaille plus, et ne m'est d'aucune utilité [3]).

Государь продолжалъ:

— Le fait est que je suis pas très porté vers Milutine; cela fera crier. Il y a plusieurs partis contre lui: les uns disent qu'il hait la noblesse, d'autres—qu'il veut la constitution [4]).

При этомъ онъ взглянулъ на Сергѣя Степановича и улыбнулся, какъ бы дѣлая уступку нелѣпостямъ петербургскихъ сплетней. Ланской усердно присоединился къ этому веселому настроенію, но это не помѣшало ему отвѣтить очень дѣльно:

—Les deux accusations se contredisent trop pour être fondées, Sire. Quant à moi, je puis assurer Votre Majesté que je ne me serais pas fait le défenseur de Milutine, si je ne trouvais pas ses vues et ses idées assez gouvernementales. Il est possible qu'il n'adore pas la noblesse, mais je ne sais à quel point un tel amour serait légitime et nécessaire dans un moment ou c'est du peuple qu'il s'agit [5]).

Государь отвѣтилъ «C'est vrai» [6]), однако рѣшенія о дѣлѣ на этотъ разъ не послѣдовало. Но дней пять спустя (на Вербной недѣлѣ) Ланской былъ приглашенъ къ царскому столу, и тутъ послѣ обѣда государь

---

[1]) Итакъ вашъ товарищъ все-таки Милютинъ.

[2]) Но Левшинъ развѣ не можетъ еще подождать?

[3]) Государь! Онъ ждетъ, но не работаетъ болѣе и не приноситъ мнѣ ни какой пользы.

[4]) Дѣло въ томъ, что я не очень расположенъ къ Милютину; объ этомъ будутъ кричать. Есть много партій противъ него: одна говоритъ, что онъ ненавидитъ дворянство, другіе—что онъ хочетъ конституціи.

[5]) Оба обвиненія слишкомъ противорѣчатъ другъ другу. Что касается меня, то я могу завѣрить ваше величество, что я бы не сдѣлался защитникомъ Милютина, если бы я не находилъ его взгляды и идеи правительственными. Возможно, что онъ не обожаетъ дворянство, но я не знаю насколько такая любовь была бы законна и необходима въ такой моментъ, когда рѣчь идетъ о народѣ.

[6]) Это передано въ точности со словъ Сергѣя Степановича мужу.

увелъ его къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ, что онъ согласенъ на назначеніе Милютина, но не иначе какъ «временно исправляющимъ должность товарища министра».

Ланской возсіялъ, какъ отъ побѣды, и повидимому не подозрѣвалъ, что для самолюбія Николая Алексѣевича такого рода назначеніе, при подробномъ знаніи всего хода дѣла, будетъ едва ли не обиднѣе, чѣмъ еслибъ назначили другого товарища и не преслѣдовали его разными оскорбительными сомнѣніями.

Его брали въ товарищи только на пробу, годится ли онъ? и на время, не найдется ли другого болѣе удобнаго? [1])

Несмотря на то, что онъ видѣлъ тутъ щелчекъ, а не повышеніе, публика поняла дѣло иначе. Партизаны и поклонники его радовались и поздравляли [2]); большинство же высшихъ сановниковъ и свѣтскихъ людей въ Петербургѣ кричало, что хотятъ разоренія, гибели дворянства, назначая злѣйшаго его врага въ товарищи того министерства, на которомъ будетъ лежать главный трудъ всей реформы.

Одинъ только хозяйственный департаментъ показалъ истинный тактъ: никто не поздравлялъ, понимая, что не съ чѣмъ; никто не приходилъ прощаться, ибо при временномъ исправленіи другой должности, Николай Алексѣевичъ со-дня-на-день могъ возвратиться въ прежнюю. Онъ собственно и оставался при двойной должности—директора и товарища вплоть до окончанія крестьянской реформы и до удаленія своего изъ министерства.

На Страстной недѣлѣ былъ объявленъ указъ Сенату объ его назначеніи. Слово, вписанное самимъ государемъ, «временно», не мало всѣхъ озадачивало и удивляло; но вмѣстѣ съ тѣмъ оставляло врагамъ его надежду на другой выборъ и полную свободу клеветамъ. Въ понедѣльникъ на Святой Николай Алексѣевичъ представлялся государю, какъ того требовала новая должность. Свиданіе произошло en tête-à-tête и началось съ того, что государь ему замѣ-

---

[1]) Онъ тогда еще не могъ предвидѣть, что это временное назначеніе будетъ продолжаться болѣе двухъ лѣтъ и кончится удаленіемъ изъ министерства, которому онъ отдалъ лучшіе 26 лѣтъ жизни. Но, съ другой стороны, не могъ онъ предвидѣть и того, что это самое положеніе, какъ оно ни было шатко, дастъ ему возможность до конца защищать и провести крестьянское дѣло. А такая увѣренность могла, конечно, во многомъ его утѣшить.

[2]) Изъ губерній, гдѣ болѣе всего владычествовало взяточничество и гдѣ его боялись какъ извѣстнаго карателя этого зла, ему, между прочимъ, писали: „Вмѣсто того, чтобы поздравить васъ съ назначеніемъ въ товарищи, я приношу вамъ за то свою благодарность, потому что съ тѣхъ поръ—именемъ твоимъ изыдутъ бѣсы“.

тилъ, что онъ не былъ наканунѣ на выходѣ у заутрени и не похристосовался съ нимъ.

Въ началѣ его величество былъ сдержанъ и холоденъ, но понемногу разговорился, сдѣлался откровеннѣе и тѣмъ самымъ милостивѣе. На первыхъ же словахъ онъ сказалъ ему, что этимъ временнымъ назначеніемъ даетъ ему возможность «показать себя» и поправить свою репутацію «краснаго и революціонера». Николай Алексѣевичъ отвѣтилъ, что онъ и самъ принимаетъ это назначеніе какъ испытаніе, что готовъ служить ему и Россіи на сколько хватитъ силъ и умѣнья и во всякой должности, но что онъ проситъ государя судить о немъ не по слухамъ, а по дѣйствіямъ, которыя въ теченіе 23-хъ лѣтъ всегда соображались съ пользою государства и достоинствомъ правительства. Государь на это замѣтилъ, что и враги его отдаютъ справедливость его дарованіямъ, но подаютъ поводъ опасаться его мнѣній и стремленій, и повторилъ то, что передано со словъ Ланскаго. Николаю Алексѣевичу пришлось опять возражать: онъ сказалъ, что за недостаткомъ фактовъ легко выдумывать мнѣнія и стремленія, которыя труднѣе опровергнуть и доказать, но что и въ нихъ нѣтъ ничего такого, въ чемъ онъ не могъ бы признаться своему государю. Онъ сказалъ, что никакой сословной ненависти къ дворянству не имѣетъ, но что если не искалъ быть пріятнымъ одному сословію въ ущербъ другому, то тѣмъ думалъ исполнять долгъ безпристрастнаго администратора, который долженъ и обязанъ искать одну общую пользу—пользу государства.

— Что же касается до революціонерства,—добавилъ онъ,—объ этомъ позволительно было мечтать въ молодости и при совершенно другихъ условіяхъ; нынѣ же, когда я успѣлъ посѣдѣть въ борьбѣ съ произволомъ и неразвитостью высшихъ слоевъ нашего общества, которое при конституціонномъ правленіи создало бы у насъ деспотизмъ олигархіи, чего я для своего отечества вовсе не желаю нынѣ, когда правительство либеральнѣе самаго общества и вводитъ въ свою программу освобожденіе крестьянъ, то-есть именно ту мысль, которая составляла предметъ лучшихъ надеждъ и упованій тѣхъ, кого клеймили названіемъ *красныхъ и революціонеровъ*,—нынѣ не только исчезаетъ всякій оппозиціонный духъ, а напротивъ всѣ силы и старанія могутъ совершенно искренно быть устремлены къ достиженію столь великихъ и прекрасныхъ цѣлей, и я сочту себя счастливымъ посвятить имъ всю мою жизнь.

Государь казалось былъ удовлетворенъ и успокоенъ такимъ отвѣтомъ и перешелъ къ предстоящимъ работамъ редакціонной коммиссіи, причемъ Николай Алексѣевичъ въ главныхъ чертахъ опредѣлилъ въ чемъ должна состоять ея задача. Его величество ихъ одобрилъ и, отпу-

ская новаго товарища, казался во многомъ переубѣжденъ на его счетъ.

Разговоръ былъ записанъ тотчасъ и прочитанъ Николаю Алексѣевичу, который подтвердилъ вѣрность редакціи. Никому больше, кромѣ С. С. Ланскаго, не было извѣстно, что произошло на этомъ представленіи. Но другіе, за неимѣніемъ данныхъ, сами сочиняли что должно было, по ихъ воображенію, тутъ быть сказано. Когда императрица въ первый разъ приняла Николая Алексѣевича, графъ П. А. Шуваловъ самолично высказалъ Николаю Алексѣевичу слѣдующія слова:

— Savez vous ce que l'on dit en ville de votre conférence avec l'Impératrice? On dit: «Voilà Mirabeau qui commence ses entrevues clandestine avec Marie-Antoinette» [1]).

Mirabeau, Marat, позже Робеспьеръ—съ кѣмъ только не сравнивали Николая Алексѣевича!

Съ слѣдующаго дня департаментъ былъ сданъ вице-директору, а Николай Алексѣевичъ весь отдался крестьянскому дѣлу, какъ членъ редакціонной коммиссіи и предсѣдатель комитета по крестьянскому дѣлу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Знаете-ли вы, что въ городѣ говорятъ о вашей аудіенціи съ императрицею? Говорятъ: вотъ Мирабо, начинающій свои секретныя свиданія съ Маріей-Антуанетой.